

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №2, Том 11 / 2020, No 2, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/14FLSK220.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Бец М.В. Диалогический текст как коммуникативный инструмент в процессе изучения иностранного языка в online-пространстве // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №2, <https://sfk-mn.ru/PDF/14FLSK220.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Bets M.V. (2020). Dialogical text as a communicative tool in the process of learning a foreign language using an online portal. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 2(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/14FLSK220.pdf> (in Russian)

УДК 811.11

ГРНТИ 16.41.21

Бец Мария Владимировна

ГАОУ ВО НСО «Новосибирский государственный театральный институт», Новосибирск, Россия
Доцент кафедры «Истории театра, литературы и музыки»
Кандидат филологических наук
E-mail: vollens@mail.ru

Диалогический текст как коммуникативный инструмент в процессе изучения иностранного языка в online-пространстве

Аннотация. Настоящее исследование заключено в парадигму диалогической лингвистики, основным постулатом которой является представление о функционировании языка в непрерывном диалоге между участниками определенного коммуникативного процесса, а текст в данном случае рассматривается как результат данного взаимодействия, внутри которого содержится коммуникативный потенциал, способствующий процессу коммуникации и автокоммуникации, что способствует изменению традиционных коммуникативных ролей адресата и адресанта, когда в ходе деривационно-интерпретационных процессов функционирования текста эксплицитная выраженность языковой личности адресата может отсутствовать, а адресант, всегда выраженный эксплицитно, поскольку является активным участником процесса текстопорождения, может одновременно перенимать на себя роль адресата. Вступая в процесс коммуникации, языковая личность осуществляет процесс рефлексии, на который оказывают влияние коммуникативные пресуппозиции, вследствие чего активизируется способность текстопорождения, реализуемая в пресуппозициональных рамках. В качестве материала исследования для демонстрации процессов реализации коммуникативного потенциала диалогического текста были использованы высказывания участников образовательного процесса, повышающие квалификацию в сфере владения иностранным языком в рамках online-пространства образовательной платформы Гёте Института. В ходе исследования было установлено, что текст тьютора отличается большей степенью интенциональности, несмотря на монологическую организацию текста. Внутри текста заключены концептуальные единицы, которые активируют процессы рефлексии, побуждающие к созданию текста-реакции/текста-ответа. Ответные тексты участников курса, в свою очередь, также коммуникативно ориентированы, однако заключены в концептуальную парадигму текста тьютора. Условно их можно разделить на личные, отображающие самоанализ

личности в условиях заданной пресуппозиции и фактологические, целью которых является описание реалий.

Ключевые слова: диалогическая лингвистика; диалогический текст; коммуникативный потенциал; пресуппозиция; деривационно-интерпретационный процесс; текстопорождение; языковая личность

Язык – сложная система, состоящая из элементов, которые взаимодействуют друг с другом. Сам по себе язык – это средство общения между живыми существами, вступающими друг с другом в диалогические отношения с целью передачи информации. «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание, и не психофизиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [1, с. 104].

Возникает дискуссионный вопрос о том, что собой представляет монологическое высказывание, целью которого является последовательное изложение мыслей, переживаний говорящего/пишущего, как оно встраивается в концепцию диалогизма. В.Н. Волошинов утверждает, что «всякое монологическое высказывание, в том числе и письменный памятник, является неотрывным элементом речевого общения. Всякое высказывание, и законченное письменное, на что-то отвечает и установлено на какой-то ответ. Оно – лишь звено в единой цепи речевых выступлений» [1, с. 79]. При этом любое высказывание детерминировано внешними обстоятельствами, поскольку оно создается с использованием традиций культурного кода, в семиотическом пространстве которого находится языковая личность, оперирующая понятиями, входящими в объем личностной когнитивной базы. «Когнитивная база – определённым образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке» [2, с. 45]. В дополнение к этому отметим, что «организующий центр всякого высказывания, всякого выражения не внутри, а вовне: в социальной среде, окружающей особь» [1, с. 102]. Следовательно, «только с учётом прогнозирования типа ситуации возможно порождение адекватного текста» [3, с. 63], который будет соответствовать и адаптироваться к условиям коммуникативной ситуации.

Таким образом, имманентно язык является диалогичным, что обуславливает возникновение таких понятий, как диалогическое общение, диалогический текст, диалогическая лингвистика. Изучением структуры, функциональных особенностей, грамматических закономерностей построения монологического текста лингвисты занимались на протяжении долгого периода времени, что обусловлено обозримостью и формализованностью материала исследования. Монологический текст как результат фактологического описания обладает, прежде всего, номинативной функцией. Однако, согласно теории М.Ю. Лотмана, текст «имеет тенденцию обрастать индивидуальными значениями и получает функцию организатора беспорядочных ассоциаций, накапливающихся в сознании личности» [4, с. 171]. Текст – это «образ и объект мотивированной и целенаправленной коммуникативно-познавательной деятельности» [5, с. 47]. С этой точки зрения текст воспринимается как некая «кодовая модель», отображающая при помощи средств языка результаты процессов автокоммуникации, которая базируется на использовании элементов диалогизма. Интенциональные свойства процесса текстопорождения приводят к возникновению постоянно развивающегося диалога между адресантом и адресатом, при этом физическое наличие в тексте последнего может отсутствовать, а адресант одновременно

перенимать на себя роль адресата. В данном случае речь идет об автокоммуникации – отождествлении адресанта и адресата, что противоречит традиционной антроподинамической теории понимания диалога, когда под адресантом понимается лицо, создающее речевое произведение, а под адресатом – лицо, которое воспринимает это речевое произведение при помощи органов чувств, семантизирует, интерпретирует, реагирует/не реагирует на него.

Понимание сущности процесса автокоммуникации, т. е. сочленения языковой личности адресата и адресанта, привело к возникновению проблем, связанных с теорией диалогизма в лингвистике. «В гносеологическом плане диалогизм – это аспект изучения языка во всех его ипостасях, предполагающий описание различных проявлений языка сквозь призму системы отношений «Я – Другой». Ориентированность на Другого – основа диалогического моделирования языка как системно-структурного образования» [6, с. 7], что не исключает природу автокоммуникативных процессов, основной целью которых является рефлексия воспринимаемой информации, переживаемых чувств, возникающих мыслительных процессов в сознании языковой личности. «Рефлексия – это осознанность речевого поведения, которая проявляется на превербальном этапе как планирование коммуникации (рефлексия замысла), на этапе исполнения как намеренность, контролируемость коммуникации (рефлексия интенции) и на поствербальном этапе как оценка эффективности коммуникации (сличение достигнутого результата с замыслом)» [7, с. 87]. Изучив значение рефлексии в процессе текстопорождения, диалогическую модель Я-Другой можно дополнить вариантом Я-Я, при котором текст «перестраивает ту личность, которая включена в процесс автокоммуникации и несет тройные значения: первичные – общеязыковые, вторичные, возникающие за счет синтагматической переорганизации текста и сопротивопоставления первичных единиц, и третьей ступени – за счет втягивания в сообщение внетекстовых ассоциаций разных уровней – от наиболее общих до предельно личных» [4, с. 171]. Благодаря трехступенчатой организации текста образуется структура, которая «не исключает внутренней необходимости, внутренней логики свободного ядра текста (без этого он не мог бы быть понят, признан и действен)» [8, с. 285]. В связи с этим текст как смысловое единство обладает коммуникативным потенциалом, проявляющимся в способности текста выступать в качестве диалогического высказывания, отличительной чертой которого является «композиционность, т. е. наличие архитектурных, функциональных и смысловых закономерностей соединения интенционально-тематических фрагментов в составе целого текста, являющегося продуктом речевой деятельности участников целого коммуникативного события» [7, с. 25]. Что позволяет говорить о «проявлении непрерывного деривационно-интерпретационного процесса – стержневой линии динамики языка. Как следствие – диалогический текст рассматривается нами как производная единица языка/речи, а производный текст – как диалогический текст» [9, с. 57].

Появление online-коммуникации способствовало тому, что изучение деривационно-интерпретационных процессов функционирования текста позволило широко использовать коммуникативный потенциал диалогического текста. В виртуальном пространстве процесс текстопорождения обусловлен рядом особенностей, которые не являются типичными для коммуникации за пределами интернета. Таким образом, в online-пространстве реализуются качественно иные коммуникативные пресуппозиции, поскольку «восприятие и понимание каких-либо событий происходит не в вакууме, а в рамках более сложных ситуаций и социальных контекстов» [10, с. 158]. «Коммуникативная пресуппозиция содержит знания и предположения, на основании которых говорящий определяет область приемлемых для данного адресата в данной коммуникативной ситуации речевых поступков (жанровые предписания и ожидания в коммуникативном поведении)» [7, с. 96].

Обратимся к рассмотрению того, какое влияние оказывают коммуникативные пресуппозиции на деривационно-интерпретационные процессы функционирования текста на примере изучения организации процесса обучения иностранному языку в пределах

online-платформы. В качестве демонстрационной online-платформы была выбрана платформа Гёте института, крупной образовательной организации, занимающейся обучением и популяризацией немецкого языка во всем мире.

Основным коммуникативным инструментом для изучения иностранного языка в рамках данного коммуникативного пространства выступает диалогический текст, внутри которого содержится коммуникативный потенциал, позволяющий участвовать в деривационно-интерпретационном процессе. Например, рассмотрим текст-формулировку одного из заданий, оставленного тьютором курса (материалы взяты с официального сайта курса Гете Института: <https://lernen.goethe.de/moodle>):

Stellen Sie sich vor, Sie wohnen jetzt in Deutschland. Sie haben nette und ganz neugierige Nachbarn, die wissen wollen, was die größten Unterschiede zu Russland sind. Sie versetzen sich zuerst in die Rolle Ihrer Nachbarn und stellen Fragen. Denken Sie auch an ganz alltägliche Dinge wie den Straßenverkehr, die Öffnungszeiten der Geschäfte, das Bezahlen mit Bargeld oder EC-Karte, Freizeitgestaltung, Schulsystem etc. Beispiel: Thema: Schrebergarten. Frage: Ist es wirklich so, dass jede russische Familie unbedingt einen Schrebergarten haben muss, wo alle Familienmitglieder viel und mit Spaß arbeiten? Lesen Sie die Fragen von anderen Teilnehmern/Teilnehmerinnen und antworten Sie aus Ihrer realen Rolle auf vier davon. (Представьте себе, что Вы теперь живете в Германии. У вас очень милые и любопытные соседи, которые хотели бы узнать, чем отличается жизнь в России. Вы выступаете сначала в роли соседей и задаете вопросы. Подумайте, о каких обыденных вещах вы бы спросили, например: об общественном транспорте, о часах работы магазинов, об оплате наличными или при помощи банковской карты, об организации свободного времени, о системе школьного образования и т. д. Например: Тема: Дача. Вопрос: правда ли, что у каждой русской семьи есть дача, где работают много и с удовольствием все члены семьи? Прочитайте вопросы других участников/участниц и ответьте на вопросы уже с учетом Вашего реального происхождения).

Из данного примера мы видим, в основе коммуникативной пресуппозиции лежит обращение к национальному культурному опыту языковой личности. Происходит активация знаний, которые связаны с внешними обстоятельствами, а именно с проживанием в определенном культурном пространстве, обладающим своими уникальными особенностями и значимостью. При этом императивные интенции предложений «Представьте себе...», «Подумайте...», в которых формулируется задание, заставляет полностью погрузиться в процесс рефлексии, а формулировки «задайте вопросы...», «ответьте на вопросы...» ориентированы на то, что результатом принудительной рефлексии должен стать ответный текст, который, однако, также будет содержать коммуникативный потенциал, поскольку его задача – побудить к коммуникации остальных участников, принуждая их к осмыслению поставленного вопроса, а затем к рефлексии собственного опыта. Кроме того, автор исходного текста, с одной стороны, сужает концептуальную область для рефлексии (предлагается на выбор ряд тем, в рамках которых должно быть сформулировано высказывание), а с другой стороны, при добавлении выражения «etc» расширяются предлагаемые границы для осмысления культурных реалий. Таким образом, данный текст, формулируемый в качестве монологического высказывания, содержит установки и концептуальные единицы, семантическое значение которых подразумевает порождения вторичного текста/текстов – текста-реакции, а диалогические отношения реализуются по схеме Я-Другой.

Теперь обратимся к рассмотрению текстов, возникших в качестве ответных реакций на заданную установку. В ходе выполнения задания участниками курса были созданы 11 текстов, связанных с заданием, формулировку которого мы разбирали выше, и 34 текста, содержащих

ответные реакции на 11 текстов. Таким образом, это доказывает, что исходный текст имел коммуникативный потенциал, что привело к возникновению 45 новых высказываний.

Все тексты разделены тематически. Например: Datscha (дача) – 1 + 4 (первая цифра – текст, содержащий вопрос; вторая цифра – текст-реакции остальных участников курса); Essgewohnheiten (привычки в еде) – 1 + 4; Weite Strecken (длинные расстояния) – 1 + 3; Wasserqualität (качество воды) – 1 + 5; Sind die Russen freundlich (являются ли русские дружелюбными) – 1 + 4; Aberglaube (суеверия) – 1 + 2; Renovierung der Wohnungen in Russland (ремонт в квартирах в России) – 1 + 4; Fremdsprachen (иностранные языки) – 1 + 3; das Bezahlen mit Bargeld oder EC-Karte (оплата наличными или банковской картой) – 1 + 2; Öffnungszeiten der Geschäfte (время работы магазинов) – 1 + 2; Mülltrennung (сортировка мусора) – 1 + 1.

На основании данных, приведенных выше, можно сделать вывод о том, что наибольший отклик у участников коммуникации находят те тексты, тематическое значение которых представляется более релевантным для представителей русской культуры. Так, например, культура сортировки мусора в России еще не столь распространена, как это происходит в Германии, следовательно, ответ-реакция на вопрос, посвященный данной проблематике, является единственным, что говорит о низком коммуникативном потенциале текста-вопроса.

Подробнее остановимся на анализе коммуникативных элементов текстов, имеющих большее количество ответных реакций:

1. *Ist es wirklich so, dass die Russen vom Frühling bis zum späteren Herbst ihre Freizeit auf der Datscha schuftend verbringen? (Это действительно так, что русские с весны до поздней осени в свое свободное время ищат на даче?)*

2. *Könntest du mir sagen, ob es stimmt, dass alle Russen sowohl im Winter als auch im Sommer nach dem Essen Tee trinken, egal ob es Mittagspause oder Abendessen ist? Ist es wirklich, dass ihr oft Kaviar auf dem Tisch habt? (Не мог бы ты мне сказать, действительно ли все русские зимой и летом пьют чай после еды, не важно, обед ли это или ужин? Правда ли, что у вас часто икра на столе?)*

3. *Wir sind stolz auf unsere Trinkwasserqualität. Aus jedem Wasserhahn in Deutschland kann man Wasser trinken. Und wie ist es in Russland? Ist es möglich Wasser aus dem Wasserhahn zu trinken? (Мы гордимся качеством нашей воды. В Германии можно пить воду прямо из крана. А как в России? Можно ли пить воду прямо из крана?)*

4. *Ich habe gehört, dass die Russen ihre Wohnungen aus eigener Kraft renovieren. Berufstätige Männer machen das wie üblich am Feierabend oder am Wochenende. Sie fangen an um 7.00 Uhr bohren und hämmern und machen Schluss damit etwa um Mitternacht. Ist es wirklich so? (Я слышала, что русские сами делают ремонт в своих квартирах. Те мужчины, кто работает, обычно делают ремонт вечером в свободное время или на выходных. Они начинают сверлить и бить молотком в 7 утра, а закачивают в полночь. Это так?)*

В первом и втором примере перед нами высказывания, содержащие прямой вопрос, на который остальные участники коммуникации должны дать ответ. В третьем примере автор не просто формулирует вопрос, а проводит параллель с другой культурой, тем самым призывая не просто к ответу на вопрос, но к анализу сложившейся ситуации. То же самое делает автор четвертого высказывания, при котором создается искусственное высказывание, содержащее обобщенную информацию, основанную на стереотипах. В результате отвечающему придется подтвердить или опровергнуть предлагаемую ситуацию, ориентируясь на собственный опыт, а также опыт окружающих.

Теперь обратимся к ответам на поставленные вопросы, изучение которых позволило установить ряд закономерностей:

1. *Oh! Ich würde kein Wasser aus dem Wasserhahn trinken. Man muss es entweder kochen, oder bestellen. Dann bringt das Wasserunternehmen eine große Flasche mit dem Trinkwasser, das man ohne Kochen trinken kann. (O! Я бы не пила воду из крана. Её нужно либо кипятить, либо заказывать. Компания, которая поставляет воду, привозит большую бутылку с питьевой водой, которую не обязательно кипятить.)*

2. *Leider nicht überall in Russland kannst du deinen Durst aus städtischer Wasserleitung stillen. Es gibt Städte, das weiß ich aus eigener Erfahrung, wo das Trinkwasser kristallklar ist, aber wie gesagt bei weitem nicht überall. (К сожалению, не везде в России можно утолить жажду, используя воду из водопровода. Есть города, по моему собственному опыту, где вода кристально чистая, но, как говорится, не везде.)*

3. *Unsere Gesundheit hängt wirklich von der Qualität des Trinkwassers. Die Deutschen sind mit diesem Problem fertig. In russischen Großstädten wird das Trinkwasser auch gründlich gereinigt. Ich habe gelesen, dass die Moskauer ganz ruhig das Wasser aus dem Hahn trinken können. Trotzdem installieren viele Bewohner in eigenen Wohnungen Filter zusätzlich. (Наше здоровье зависит от качества воды. Немцы решили эту проблему. В больших русских городах питьевая вода также тщательно очищается. Я читала, что москвичи могут пить воду из-под крана, ни о чем не беспокоясь. Несмотря на это, жители устанавливают у себя в квартирах дополнительные фильтры очистки воды.)*

4. *Wenn man einmal Wasser aus dem Wasserhahn trinkt, passiert nichts Schlimmes. das Wasser stellt keine Gefahr für die Gesundheit dar und im Vergleich zu Indien werden die Hygienestandards eingehalten. (Если один раз выпить воды из крана, то ничего страшного не произойдет. Вода не представляет никакой опасности для здоровья и по сравнению с Индией соответствует гигиеническим стандартам.)*

5. *Es ist möglich das Wasser aus dem Wasserhahn zu trinken. Die Frage ist aber: wie fuehlt du dich dann? In Moskau trinke ich kein Wasser aus dem Wasserhahn, weil die Wasserqualität schlecht ist. Ich bestelle immer grosse Flaschen Mineralwasser. (Воду из крана пить можно. Вопрос в том, как ты после этого себя чувствуешь. В Москве я не пью воду из-под крана, т. к. качество воды плохое. Я всегда заказываю минеральную воду в больших бутылках.)*

Основная особенность данных высказываний – это возможность разделения их условно на личные (1, 5) и фактологические (1, 3, 4). В личных преобладает позиция автора, благодаря которой он описывает собственный опыт, таким образом реализуется механизм, связанный с осознанием себя, собственного поведения в рамках, заданной коммуникативной ситуации. Кроме того, их отличает большая степень эмоциональности (наличие восклицания и условного наклонения в первом). Личное высказывание ориентировано на продолжение коммуникации (постановка прямого вопроса в пятом высказывании), следовательно, в семантике личного высказывания содержится больше полемиического потенциала, который провоцирует развитие коммуникативной ситуации далее.

Целеполагание фактологического высказывания – описание ситуации, создание картинки в представлении реципиента, для создания более яркого образа используется эмоционально-оценочная лексика (2 – к сожалению, 3 – ничего страшного не произойдет), однако напрямую такие высказывания не обращаются к адресату. Реализация их коммуникативного потенциала заключается в рамки схемы не «Я-Другой», а «Я-Я», при которой происходит активация процесса автокоммуникации.

Таким образом, перед нами диалогический текст, существующий в online-пространстве, использующийся в качестве коммуникативного инструмента для создания условий, при котором происходит в сознании языковой личности активизация процесса текстопорождения, основанном на процессе рефлексии себя и окружающего мира. Такой механизм способствует

более глубинному анализу, поскольку имеющиеся знания участникам необходимо трансформировать при помощи знаков системы иностранного языка, т. е. провести выбор лексических и грамматических единиц, при помощи которых суть коммуникативных пресуппозиций трактовалась бы однозначно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Комментарии В. Махлина. – М.: Лабиринт, 1993. – С. 79–104.
2. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 45.
3. Пешков И.В. Введение в ретиорику поступка. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 63.
4. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: “Я” и “Другой” как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры). – С.-Петербург: Искусство – СПб, 2000. – С. 171.
5. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. – М.: Наука, 1984. – С. 47.
6. Шпильная Н.Н. Диалогическая лингвистика: коллективная монография / под науч. ред. Н.Н. Шпильной; отв. ред. М.В. Воронец, Н.И. Тюкаева. – Барнаул: АлтГПУ, 2019. – С. 7.
7. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – М.: КД ЛИБРОКОМ, 2009. – 320 с.
8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 285.
9. Шпильная Н.Н. Диалогический текст как компонент непрерывного деривационно-интерпретационного процесса // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск: ТГУ, 2015. №4 (36) – С. 57.
10. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 158.

Bets Maria Vladimirovna

Novosibirsk state theatre institute, Novosibirsk, Russia

E-mail: vollens@mail.ru

Dialogical text as a communicative tool in the process of learning a foreign language using an online portal

Abstract. This study is concluded in the paradigm of dialogical linguistics, the main postulate of which is the idea that language exists in a continuous dialogue between the participants of a certain communicative process, and that the text in this case is considered as the result of this interaction, and inside of the text there is a communicative potential that influences the process of communication and autocommunication, and this fact contributes to the change of traditional communicative roles of the addressee and the addressant, when in the course of derivative-interpretation processes of text functioning there may be no explicit expression of the addressee's linguistic personality, and the addressant, who is always explicit as he or she is an active participant in the process of text formation, may simultaneously take over the role of the addressee. Entering the process of communication, the linguistic personality carries out a process of reflection, which is influenced by communicative presuppositions, and as a result, the ability of textual formation, implemented in the presupposition framework, is activated. As a research material to demonstrate the processes of realizing the communicative potential of the dialogue text were used statements of the participants of the educational process, who are raising the level of foreign language skills using the online educational platform of the Goethe Institute. According to the study it was found that the text of the tutor is very intentional, despite the monological organization of the text. Within the text there are some concepts that activate the processes of reflection that encourage the creation of a text-reaction/text-response. The response texts of the course participants, in turn, are also oriented to continue the process of communication, however, they are enclosed in the conceptual paradigm of the tutor's text. They can be divided into two groups: personal texts, which reflect the self-examination of a person under the conditions of a given presupposition and factual texts, the purpose of which is to describe the reality.

Keywords: dialogical linguistics; dialogical text; communicative potential; presupposition; derivative-interpretation process; process of text formation; linguistic personality

REFERENCES

1. Voloshinov V.N. (1993). Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke. Kommentarii V. Makhlina. [*Marxism and the philosophy of language: The main problems of the sociological method in the science of language. Comments by V. Makhlin.*] Moscow: Labyrinth, pp. 79–104.
2. Krasnykh V.V. (1998). Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya). [*Virtual reality or real virtuality? (Man. Consciousness. Communication).*] Moscow: Dialog-MSU, p. 45.
3. Peshkov I.V. (1998). Vvedenie v ritoriku postupka. [*Introduction to the rhetoric of an act.*] Moscow: Labyrinth, p. 63.
4. Lotman Yu.M. (2000). Avtokommunikatsiya: "Ya" i "Drugoy" kak adresaty (O dvukh modelyakh kommunikatsii v sisteme kul'tury). [*Auto-communication: "I" and "The Other" as Addressees (On two models of communication in the cultural system).*] Saint Petersburg: Art – St. Petersburg, p. 171.
5. Dridze T.M. (1984). Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii: Problemy semiosotsiopsikhologii. [*Textual activity in the structure of social communication: Problems of semiosociopsychology.*] Moscow: The science, p. 47.
6. Shpil'naya N.N., Voronets M.V., Tyukaev N.I. (2019). Dialogicheskaya lingvistika: kollektivnaya monografiya. [*Dialogical Linguistics: Collective Monograph.*] Barnaul: Altai State Pedagogical University, p. 7.
7. Borisova I.N. (2009). Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika. [*Russian conversational dialogue: structure and dynamics.*] Moscow: Book house "Librocom", p. 320.
8. Bakhtin M.M. (1979). Ehstetika slovesnogo tvorchestva. [*Aesthetics of verbal creativity.*] Moscow: Art, p. 285.
9. Shpil'naya N.N. (2015). Dialogue text as a component of a continuous derivational-interpretative process. *Tomsk State University Bulletin*, 4(36), p. 57 (in Russian).
10. Deyk T.A. van, Kinch V. (1988). Strategii ponimaniya svyaznogo teksta. [*Linked Text Understanding Strategies.*] Moscow: Progress, p. 158.